

Две разновидности монетаризма: корни порочного «обновления Бреттон-Вудса», продвигаемого Робертом Манделлом

Данная статья представляет собой выдержки из неопубликованного материала «Крестовый поход против государственного суверенитета: случай с Клубом долгосрочных инвесторов» (главы 4а и 5), авторы — Аллен и Рейчел Дугласы, апрель 2013 года.

Кейнсианство и Венская школа — два основных современных направления монетаризма. Венская школа положила начало неолиберализму конца XX века. Хотя представители и спонсоры проекта «Клуб долгосрочных инвесторов» (ЛТИС) часто называют себя немонетаристами (подчёркивая, что они ориентированы на реальный сектор экономики, что это лучше «англо-саксонской» модели финансовых спекуляций, и так далее), важно уметь определить те случаи, когда некие экономические меры или предложения основаны на монетаризме, то есть, на отождествлении стоимости с деньгами, независимо от того, на доктринах которой из этих двух школ может делаться акцент.

В реальности у континентальной Европы есть своя собственная, совершенно другая, немонетаристская традиция экономической мысли: это школа национальной экономии Фридриха Листа (Friedrich List), представляющая собой развитие «американской системы политической экономии» Александра Гамильтона, Мэтью и Генри Кэри (Matthew and Henry Carey) и президента Авраама Линкольна. Но Клуб долгосрочных инвесторов и его спонсоры из финансового мира, равно как и толпы привлечённых ими экономистов-математиков из австрийской и британской школ, не является представителем этой традиции.

Беглый взгляд на австрийскую школу показывает, откуда такие люди, как Джулиано Амато (Giuliano Amato), бывший премьер-министр Италии и архитектор Европейского Союза, и изобретатель валюты «евро» Роберт Манделл (Robert Mundell), связанный со старинным банком Monte dei Paschi — союзником венецианцев, — взяли свою идеологию «назад к Средневековью».¹

---

¹ Из главы 1а «ЛТИС — “дельфийский”* проект, начатый после событий 2007 г.»:

«Клуб долгосрочных инвесторов — это движение за создание постиндустриального, имперского «нового Средневековья». Об этом открыто говорил один из главных архитекторов Европейского союза, лоббирующий сегодня интересы Клуба и председательствовавший на второй конференции Клуба долгосрочных инвесторов (Рим, июнь 2010 г.) — бывший премьер-министр Италии Джулиано Амато, руководитель группы Амато (2006-2007), официально называвшейся Комитетом действий за европейскую демократию. Эта группа переписала европейскую конституцию после того, как избиратели Франции и Голландии отвергли её. Результатом труда группы Амато стал Лиссабонский договор. В интервью La Stampa 13 июля 2000 г. Амато заявил о конце эпохи суверенных государств:

“Я предпочитаю двигаться медленно, по кусочкам крошить суверенитет, избегая внезапной передачи власти с национального на федеральный уровень... И почему не вернуться к периоду до Гоббса, к Средним векам? Человечество тогда было много красочнее, с богатством индивидуальностей, которые могут быть для нас образцом. Средние века прекрасны, множество политических центров, без опоры на что-то одно. Такое невозможно в рамках наций-государств. Сегодня, как и тогда, в наших обществах появляются кочевники. Так же, как и тогда, есть уже власть без территории. Без суверенитетов не будет тоталитаризма. Демократии не нужен суверен”.

Амато лжёт. Суверен, конечно, будет, но это будет уже *империя*, как разъясняет ученик Манделла Альберто Джованнини итальянской ежедневной газете Il Sole 24 Ore 10 февраля 2010 г.:

Две несмешивающихся разновидности денег

«Важно подчеркнуть, что “монетаризм” и “деньги” — не обязательно одно и то же. Различие между использованием денег системой, которую называют “монетаристской”, и использованием того, что на первый взгляд может показаться тем же самым понятием “деньги” в кредитной системе, лежит в *онтологическом отличии* кредитной системы от монетаристской системы. Разница почти такая же, как между долларом США в системе коммерческих банков, существующей в соответствии с положениями Конституции США (в частности, положениями об обращении доллара в кредитной системе) и совершенно противоположной практикой безнравственного злоупотребления долларом в спекулятивных по своей сути каналах Уолл-стрит или на лондонских финансовых рынках. Только такая система с фиксированным валютным курсом, какая была задана президентом Франклином Рузвельтом, может урегулировать соответствующие трудности.

В одном случае доллар является неотъемлемой особенностью реальной экономики, стоимость доллара обусловлена его физической стоимостью, зависящей от его роли в содействии чистому физическому росту экономики, который измеряется в расчёте как на душу населения, так и на квадратный километр территории. Это означает увеличение и фактической капиталоемкости и объёма производства на душу населения в народном хозяйстве. В другом случае, то есть при господстве монетаристского расстройств мышления, стоимость валюты определяется увеличением объёма приобретенной валюты, которая служит основой требования, погашаемого за счет реального богатства общества. Масштабное жульничество “финансового спасения” экономики США за счет налогоплательщиков в 2008-2011 гг. нужно рассматривать просто как естественный результат действия монетаристской системы, которая перешла от практики обыкновенного прямого грабежа страны при помощи монетаристских уловок к злокачественному по своей сути, раковому (напр., гиперинфляционному) росту не имеющего ценности монетаристского долга, как это происходило при президентах Джордже Буше-младшем и Бараке Обаме со времён кризиса и по сегодняшний день».

– Линдон Ларуш. Новый Вестфальский мир: возрождение из руин, в которые империи римского типа превратили этот мир (Lyndon H. LaRouche, Jr., “A New Peace of Westphalia: Up From the Ruins Which the Roman Empires Have Made of this World”), EIR, 2 апреля 2011 г.

В случае с Клубом долгосрочных инвесторов и его спонсорами мы рассматриваем вопрос о банковской деятельности, о контроле банками крупных денежных потоков. Это приводит нас и к вопросу доктрины денег. Нужно посмотреть, кто же последовательно разрушал послевоенную Бреттонвудскую систему и как это делали, начав на следующий день после смерти Рузвельта. Этот процесс пошёл непосредственно из старой венецианской традиции, через «австрийскую школу» экономистов Австро-Венгерской империи Габсбургов, а позднее — через их сотрудничество с британцами, особенно в Лондонской школе экономики, начиная с конца 1920-х гг.

“История учит, что империи всегда более эффективны и достигают большего процветания; с обширной географией имперская модель более успешна”».

* В политическом анализе термин «дельфийский» намекает на невнятные пророчества древнего оракула. Речь идёт об умышленной двусмысленности: организации или политическую линию преподносят чем-то на самом деле таковым не являющимся.

Ларуш часто говорил об этой монетаристской традиции: «Венеция по-прежнему имеет значение», поскольку «и по сей день существует финансовая олигархия, воплощённая в Венеции».² Это справедливо в отношении давнишней практики «смены денежных систем», которую венецианцы применяли примерно с 1000-го г. н.э. Они вызвали наступление нового Средневековья, поменяв денежные системы — с золота на серебро, начиная примерно с 1000-го г. н.э., со времён крестовых походов.

Поэтому не удивительно, что мы находим венецианцев у руля Клуба долгосрочных инвесторов, так как существующая сегодня международная валютно-финансовая система, управляемая частными структурами, есть прямое продолжение системы, созданной в городо-государстве Венеции.

После распада и разрушения Римской империи в IV-V вв. многие ее правящие семейства бежали в недоступные болота на берегу северной части Адриатического моря, где построили город Венецию. Она стала самым западным форпостом Византийской империи, которая образовалась в 325 г. н.э., когда император Константин перенёс столицу из разграбленной южной Италии на тысячу миль к востоку, в более богатый и более населённый город Византиум, который стал носить его имя — Константинополь.

В VIII в. Венеция была бельмом в глазу императора Карла Великого, так как финансировала мятежи в его владениях. К 1000 г. н.э. мощь Венеции настолько выросла, что город мог вести кампании по захвату богатых земель в восточном регионе Средиземноморья, который в то время был богаче остальной Европы; впоследствии эти кампании проводились под аккомпанемент массовых убийств в виде крестовых походов XI-XIII вв. Венеция и ее союзники среди римских пап финансировали крестовые походы, кульминацией которых стало срежиссированное венецианцами разграбление и сожжение *христианского* города Константинополя и резня его жителей в 1204 г., после чего Венеция официально пришла ему на смену в качестве центра новой мировой монетаристской империи. За несколько столетий до этого венецианцы выбрали символом своей «республики Святого Марка» (вызов «городу Святого Петра» — Риму) вавилонского крылатого льва, продемонстрировав преемственность с безжалостными империями Юго-Западной Азии, простиравшимися до Вавилона, из которых изначально была образована и сама Римская империя через культы Аполлона и Митры.

Венецианская империя была сосредоточена вокруг собора Святого Марка, возвышающегося на центральной площади Венеции. Подобно древнегреческому храму Аполлона в Дельфах, прокураторий собора (Procuratoria di San Marco), сочетал функции центра венецианской государственной церкви и одновременно центрального банка империи, и стал крупнейшим банком мира. У прокураторов собора Святого Марка (сначала их было трое, с течением веков число увеличилось до девяти) были настолько обширные финансовые, разведывательные и культурные обязанности, что практически ни один венецианский аристократ не мог стать дожем Венеции, не пройдя через должность прокуратора.

В последующие пять столетий после разграбления Константинополя в 1204 г. власть венецианцев простиралась почти над

---

² Линдон Ларуш, [“The Issue Is Globalization.”](#) EIR, 16 февраля 2007; [“The Folly of Chronic Wars.”](#) EIR, 30 июля 2010.

всем миром, от Британских островов до Китая. Основной акцент, о чём даже сегодня свидетельствует деятельность Фонда Чини (Fondazione Giorgio Cini), был сделан на эпистемологии и культуре. У Венеции была поражающая воображение всемирная шпионско-разведывательная система и огромная мощь на море. И то и другое было обусловлено ролью города как столицы мировой торговли золотыми и серебряными слитками, которая возникла следующим образом.³

До того как венецианцы начали процесс грабежа, позднее оформившийся в крестовые походы, весь Ближний Восток использовал денежную систему на основе золота, Европа же — на основе серебра. При помощи процесса, который привел к крестовым походам и продолжился до самого их окончания, Венеция награбила столько золота на Востоке и высосала столько серебра на Западе (в обоих случаях для финансирования крестовых походов), что перевела западную Европу на золото (о чем свидетельствовало введение в 1284 г. венецианского золотого дуката в качестве инструмента международной торговли), а Ближний Восток — на серебро. Венеция господствовала в торговле с богатыми территориями Персии и дошла даже до Китая. Ее основным предметом торговли был сам слиток. С помощью контроля цен на золото и серебро и манипулирования ими венецианцы спекулировали, как хотели, на стоимости монет, которые чеканились по всей Европе и почти во всех других регионах мира. Манипулирование обменом золота и серебра венецианцами стало предшественником системы «плавающих обменных курсов валют».

Ограбив и Восток, и Запад, Венеция положила начало мрачному Средневековью с XIV в. К началу XV в. она окрепла настолько, что папа Пий II подверг венецианцев суровой критике за претензии на статус новых римских императоров, заявив: «Теперь, когда множеством преступлений они расширили свою империю, хотя люди ненавидят их в сердцах своих и проклинают их за их спинами, нет никого, кто не хвалил бы их в лицо. Таков мир, но пред Господом Всемогущим никакие преступления не останутся безнаказанными. Истинно, истинно придет расплата и для венецианцев. Море взбурлит. Грехи отцов падут на сыновей».

Однако Возрождение, с образованием наций-государств, как было предсказано Николаем Кузанским и его соратниками при организации Флорентийского собора 1437-1439 гг., бросило смертельный вызов могуществу Венеции: нации-государства опирались на науку, растущую прослойку грамотных горожан и национальные армии, начиная с появления современной Франции, которая возникла благодаря деяниям Жанны д'Арк (1412-1431) и Людовика XI (1423-1483). По выражению одного историка, Людовик «в последние два года своего правления... активно старался сформировать крупную привилегированную компанию, задачей которой было сокрушить Геную и Венецию».⁴ Эта задача стала ещё более актуальной с повторным открытием Америки Христофором Колумбом в 1492 г., на которое его тоже вдохновил Николай Кузанский.

Римские папы и большинство крупных держав Европы, сытые по горло грабежом и интригами венецианцев и их постоянным подстрекательством к войне, объединились в войне Камбрейской лиги

---

³ Пол Галлахер (Paul B. Gallagher), [“How Venice Rigged the First, and Worst, Global Financial Collapse”](#), *Fidelio*, зима 1995.

⁴ Гарри Мискимин (Harry Miskimin), *Money and Power in Fifteenth-Century France* (New Haven: Yale University Press, 1984).

1509-1511 гг., и послали свои армии навеки стереть Венецию со страниц истории. Но при помощи огромного займа от богатого римского купца и финансиста Агостино Киджи венецианцы использовали подкуп направо и налево и наняли достаточно наёмников, чтобы нанести Лиге поражение.

В 1582 г. в Венеции, потрясённой тем, что её чуть было не уничтожили, а также продолжавшимся развитием наций-государств, ростом их населения и изменением баланса сил на море после открытия Америки, вспыхнула война группировок. В ней *Nuovi* (букв. «новые», т.е. Новая венецианская партия), выступавшие за переселение на север для строительства новых морских и финансовых столиц Амстердама и Лондона, нанесли поражение *Vecchi* («старым», т.е. Старой венецианской партии), тесно связанным с т.н. «чёрным дворянством» Ватикана и Габсбургской империи. На протяжении XVI и XVII вв. Новая венецианская партия вместе с могущественными союзниками в Генуе поддерживала Голландию и Англию как новые морские державы, созданные по её образу и подобию — и по-прежнему под её контролем. «Новые» создали институт центральных банков, контролируемых частными лицами, — например, центральный банк в Амстердаме (который в XVIII в. станет доминирующим банком в мире). Позже возникли Банк Англии, голландская и английская фондовые биржи, британская и голландская Ост-Индские компании. Голландская компания сохранила главенствующую роль венецианцев в торговле с Востоком: примерно 70-90% ее грузов, как ранее грузов венецианцев, составляли слитки серебра для обмена на золото на Востоке, к тому же компания унаследовала от Венеции контроль над мировой торговлей рабами и наркотиками.

Хотя Венеция продолжала самостоятельную торговлю, большую выгоду ей теперь приносил и контроль над большинством центральных банков Европы через давно созданную ею сеть частных банков по всему континенту, таких как банк семейства Варбургов. Она спекулировала не только золотом и серебром, как раньше, но теперь ещё и акциями голландской и британской Ост-Индских компаний, Банка Амстердама и Банка Англии, а также организовала (через Амстердам) некоторые крупнейшие в истории «пузыри», в том числе «тюльпановый пузырь» в XVII в. с участием банка *Monte dei Paschi*, «пузырь» Компании Южных морей и «пузырь» Джона Лоу (или «Миссисипский пузырь»).

В статье «Деньги или кредит?» (“Money or Credit?”), опубликованной в EIR 10 сентября 2010 г., Линдон Ларуш писал: «Около 1492 г. венецианская система империализма претерпела исключительно важное стратегическое изменение после того как передний край мировой власти на море переместился из Средиземного моря в Атлантику». Англо-голландская империя стала мировой державой, но, как отмечал Ларуш,

«Единственное, что существенно не изменилось с этим перемещением из Средиземноморья в Атлантику, была приобретённая Венецией ключевая роль. Венеция, ставшая мощной державой немногим больше тысячелетия назад, осталась центром организации монетарной власти, внешняя же оболочка монетаристской власти — англо-голландские морские компании — стала политическим и военным средоточием операций самой империи, которые всё больше приобретали международный масштаб. Фактически Венеция никогда не теряла этой роли, она просто передала часть своих функций новому лондонскому отделению в рамках адаптации к переносу места основных действий из Средиземноморья в Атлантику».

Контроль венецианцев над мировой монетарной системой переместился в Лондон. Венецианская традиция сложилась под присмотром Исаака Ньютона как директора Монетного двора, который намеренно завышал стоимость золота, чтобы набрать серебро для его отправки на Восток британской Ост-Индской компанией. Основным теоретиком британской Ост-Индской компании был Джон Локк («отец «устойчивых денег»» (sound money)). Эта практика стала удушающим «английским золотым стандартом» XVIII-XIX вв. Она столкнулась с реальной угрозой своему существованию после образования Соединенных Штатов с их гамильтоновской кредитной системой. Когда ненадолго возникла угроза распространения американской системы в Европу, Венеция и британцы дали денег на возвышение Наполеона Бонапарта из генуэзского семейства Паллавичини, чтобы похоронить эту возможность в бесконечном хаосе и войне. Этот этап истории завершился после того как британцы (Новая венецианская партия) и Габсбургская империя (Старая венецианская партия) совместно профинансировали Венский конгресс и Венский договор 1815 г. «для восстановления старого порядка».

Семейство Ротшильдов — финансистов Старой венецианской партии Габсбургской империи и ее правивших княжеских семей — переехало в Лондон, где в XIX в. стало мировым финансовым гигантом. В своих лондонских штаб-квартирах Ротшильды контролировали ежедневные цены на золото. Поэтому когда в 1971 г. Джордж Шульц (George Shultz), Пол Волкер (Paul Volcker) и их сторонники отменили привязку доллара к золоту, это было просто восстановление старой венецианской традиции безудержных спекуляций самими деньгами.

Шестьдесят старых венецианских семей сегодня по-прежнему существуют — как и многочисленные другие могущественные семьи венецианского происхождения, сменившие фамилии после переезда для колонизации других частей Европы или мира. В их числе мощная династия банкиров Варбургов, которые изначально были венецианской семьей дель Банко, что документально подтверждено в авторитетной монографии Сесилия Рота «История евреев Венеции».⁵

Революция Линкольна

Революция президента Авраама Линкольна во время Гражданской войны в США, как отметил Ларуш, была более масштабной даже по сравнению с тем, что сделает Рузвельт в следующем столетии, благодаря процессу, который она запустила в США и в мире, особенно в Германии — самом выдающемся образце американской системы, какой она была при Бисмарке.

Выпустив бумажные деньги («гринбеки», «зелёные спинки»), чтобы дать Союзу возможность выиграть Гражданскую войну, Линкольн порвал с политикой британских агентов — президента Эндрю Джексона (Andrew Jackson, срок полномочий — 1829-1837 гг.) и его куратора и преемника президента Мартина ван Бюрена (Martin van Buren, 1837-1841). Эти двое ликвидировали Второй банк США, подорвав таким образом экономику страны и вызвав панику 1837 г. и укрепление поддерживаемой британцами системы рабского труда на плантациях Юга. Эта рабовладельческая система расцвела только потому, что проходивший ранее и финансировавшийся национальными банками процесс индустриализации всей страны был остановлен, и это

---

⁵ Cecil Roth, *The History of the Jews of Venice* (Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1930; reprint, New York, 1975).

не позволило стране стать тем, чем она могла бы и должна была стать, как показал советник Линкольна по экономике Генри Кэри.⁶ Впоследствии Уолл-стрит отказалась выдать Линкольну кредит на войну против Конфедерации, которая получала значительную помощь от британцев.

Основные советники Линкольна — Генри Кэри, Стивен Колуэлл (Stephen Colwell) и другие, — разработавшие политику «гринбеков», были центральными фигурами «филадельфийской группы» и прямыми наследниками идей Гамильтона о кредитной экспансии. Будучи знатоками кредитной экспансии, они организовали выпуск «зелёных спинок», а позже провели «Столетнюю выставку» в Филадельфии в 1876 г. Люди съехались в Филадельфию со всего мира, и их потрясли такие вещи, как штамповочные прессы высотой в два этажа. На многие мили протянулась выставка образцов тяжелой техники — гораздо более современного оборудования, чем то, которое в то время было у британцев.

Посетившие это мероприятие дальновидные лидеры других стран, разумеется, встречались с членами Филадельфийской группы, которая организовала выставку. И у этой группы было название: Юнионистская лига. В начале Гражданской войны высшее общество Филадельфии было в основном проконфедератским и пробританским. Это был синдикат Бэрингов (Barings), связанный с британской Ост-Индской компанией, семейство Дрексель и др. Группа патриотов, сплотившихся вокруг Кэри и Колуэлла, образовалась в качестве противовеса высшему обществу и основала Юнионистскую лигу.⁷

Стивен Колуэлл, стойкий приверженец кредитной системы, вступил в лигу первым примерно из 100 ведущих промышленников. Он стал первым президентом Юнионистской лиги. Членами Лиги были основной советник Линкольна Генри Кэри и Джей Кук (Jay Cooke), который держал свою основную контору в Филадельфии и с января по июль 1865 г. продал облигации США на 853 млн долл. для финансирования Союза в Гражданской войне. Иногда оборот торговли облигациями у Кука составлял 10 млн долл. в день — поразительная для того времени сумма.

Именно с этими людьми в ходе «Столетней выставки» и обсуждался вопрос кредитной экспансии. Выставка и переговоры во время нее и разговоры о ней вызвали резонанс во всем мире. Отто фон Бисмарк в обращении к парламенту в середине 1879 г. сказал, что Германия собирается радикально изменить свою политику и принять протекционизм, масштабную индустриализацию и американскую

---

⁶ Несмотря на уничтожение Второго банка США Джексоном и ван Бюреном, европейцы, которые приезжали в недавно образовавшиеся Соединённые Штаты и ожидали увидеть страну в основном сельскохозяйственную, были поражены страной, где «мануфактуры просто росли как грибы», а пар был «национальным веществом», с помощью которого «люди уничтожили пространство и время»... Период между войной 1812 г. и Гражданской войной был временем быстрой экспансии, как экономической, так и географической. В эти годы численность населения больше чем утроилась, и к 1860 г. достигла 31 млн человек. Но в этот же период стоимость произведённой промышленной продукции увеличилась в восемь раз, а её объем — в двенадцать раз». — Марвин Фишер (Marvin Fisher), *Workshops in the Wilderness. The European Response to American Industrialization, 1830-1860* (New York: Oxford University Press, 1967), p. 4-5.

⁷ *The Union League of Philadelphia Celebrates 125 Years. 1862-1987*, Devon, Pa.: William T. Cooke Publishing Inc., 1987.

систему. Его советником был Вильгельм фон Кардорфф (Wilhelm von Kardorff).⁸

Эта политика кредитной экспансии в той форме, в которой она проводилась в Германии, США и других странах, подверглась нападкам из двух источников.

Альфред Маршалл: происхождение кейнсианства из борьбы британской империи против «американской системы политической экономики»

Одним из них был Лондон или, скорее, Кембридж. Альфред Маршалл (Alfred Marshall) известен как основатель кембриджской школы политической экономики и наставник как самого Джона Мейнарда Кейнса, так и его отца. Маршалл посетил США уже в 1875 г. и провел основную часть времени в Филадельфии. Он хвастался, что после его бесед в Филадельфии никто больше него не знал об «американской системе политической экономики».⁹ Никто лучше него не знал, что источником американского могущества были протекционизм и кредитная экспансия американской системы. Маршалл вознамерился разработать систему для противодействия стратегической угрозе, созданной «гринбеками».

Маршалл заложил современную британскую доктрину «денег». Он задался вопросом: как измерить «полезность» — понятие, которое первоначально выдумали венецианские экономисты, а затем заимствовал сотрудник британской Ост-Индской компании Джереми Бентам (Jeremy Bentham) (он к тому же основал современную британскую Секретную разведывательную службу [Secret Intelligence Service] в начале 1780-х гг.). Как и венецианцы, Бентам учил, что человек — это просто животное, для которого главными мотивами являются стремление к удовольствию и стремление избежать боли. Его ученик Джон Стюарт Милль (John Stuart Mill), глава всемирной частной разведывательной службы британской Ост-Индской компании, развил эту разработанную Бентамом доктрину «утилитаризма».¹⁰ Затем Маршалл в 1891 г. написал книгу «Принципы экономической науки» (Principles of Economics), целиком посвященную «деньгам». Это и по сей день Библия британской экономической науки. Трактат Маршалла представлял собой обновлённый вариант миллевской доктрины

---

⁸ Хельга Цепп-Ларуш (Helga Zepp-LaRouche), “The American Roots of Germany’s Industrial Revolution”, *EIR*, 12 сентября 2008.

⁹ Джон Мейнард Кейнс (John Maynard Keynes), *Essays in Biography* (New York: W.W. Norton & Company, Inc., 1951), с. 143-44. В главе «Альфред Маршалл. 1842-1924 гг.» Кейнс писал:

«В 1875 г. Маршалл пробыл в США четыре месяца. Он проехал по всем восточным штатам и добрался аж до Сан-Франциско. В Гарварде и Йеле он вёл долгие беседы с учеными-экономистами, и везде его знакомили со многими ведущими гражданами. Но его основной целью было “изучение проблемы протекционизма в новой стране.” Именно об этом он спрашивал всех и каждого, и к концу поездки смог написать домой письмо: “В Филадельфии я провел много часов в беседах с ведущими протекционистами. И я теперь думаю, что как только прочту некоторые рекомендованные ими книги, я действительно узнаю всю суть их концепции; и не думаю, что есть или когда-нибудь был другой англичанин, который может сказать то же самое”».

¹⁰ Эти концепции Бентама и Милля следует противопоставить замечанию папы Франциска об утилитаризме в разделе 51 энциклики *Lumen Fidei* («Свет веры»): «Если исчезает заслуживающая доверия любовь, ничто не в силах сохранить единство меж людьми. В таком случае их единение мыслимо лишь будучи основанным на пользе, общей выгоде, страхе, но не на даре совместной жизни, не на радости, которую может вызвать одно лишь присутствие другого человека».

полезности. Маршалл заявил, что одобряет «полезность» как понятие, но нужно, чтобы ее можно было *измерить*. А измерять ее нужно деньгами.¹¹ Мантра Маршалла — «деньги... деньги... деньги!». Его доктрина — это учение о деньгах и валюте, прямо противоположное принципу бумажных денег Линкольна. Он провозгласил, что «безрассудное наращивание кредита» было источником всех проблем. Маршалл предложил, чтобы вместо системы бумажных денег Америка приняла систему, которую он назвал «симметаллизмом»: в ней золото и серебро совместно использовались как единственное обеспечение денег.¹²

Маршалл финансировал Кейнса и помог ему начать карьеру. Он лично оплатил предоставление Кейнсу места преподавателя. До этого протекже Маршалла был отец Кейнса, а затем и сам Джон Мейнард Кейнс. Они были главными экономическими гуру в Кембридже, элитном мозговом центре Британской империи. Кейнс, как и его отец, начал жизнь учёного в области формальной логики как студент Бертрана Рассела. Рассел назвал выпущенную в 1920 г. книгу молодого Кейнса «Трактат о вероятности» (*A Treatise on Probability*) одной из важнейших когда-либо написанных книг.

Это происходило в Британии. Если описать течения в экономической науке категориями знаменитых венецианских политических группировок 1582 г., то эта британская школа (Кембриджский университет, его Тринити-колледж, «кембриджские апостолы») представляет сторону «новых».¹³

Австрийская школа

Перейдём теперь на европейский континент. В Австрии примерно в то же время, когда Маршалл только начинал свою карьеру в Британии, Карл Менгер (*Carl Menger*, 1840-1921 гг.) основывал т.н. «австрийскую школу экономики». На самом деле она не столько «австрийская», сколько венецианская. Ведь Венецианцы финансировали Габсбургов еще в XI столетии. После подъёма наций-государств в результате «золотого Возрождения» XV в. и открытия Нового света Христофором Колумбом в 1492 г. Венеция столкнулась с серьёзной угрозой своему контролю над мировой торговлей и финансами. И в самом деле, Венецию так ненавидели за грабительское ростовщичество, что она чуть было не оказалась стёртой с лица земли военным путём в

---

¹¹ Уэсли Митчелл (*Wesley C. Mitchell*) в работе *The Backward Art of Spending Money and Other Essays* (New York: McGraw-Hill, 1937), цитирует Маршалла: «Деньги — центр, вокруг которого сосредоточена экономическая наука, ... это единственный удобный способ масштабного измерения мотивации людей. ... Если мы затем захотим сравнить даже физические наслаждения, то должны делать это не прямо, а опосредованно, при помощи побудительных причин, из которых оформляется действие... Эту силу мотивов человека — но не сами мотивы — можно приблизительно измерить суммой денег, с которой он готов расстаться для того, чтобы обеспечить желаемое удовольствие».

¹² К этому времени задуманную Линкольном революцию экономического развития и политику выпуска бумажных денег, которая её питала, серьёзно подорвало принятие (в 1875 г.) и реализация (в 1879 г.) Закона о возобновлении размена бумажных денег на металл (*Specie Resumption Act*), привязавшего финансовую политику США к антикредитному золотому стандарту британского толка. Концепция «симметаллизма» Маршалла оказалась в перекрестье проходивших в самих США яростных споров о различных монетаристских схемах («биметаллизм», «движение за свободное серебро»), противопоставленных кредитной политике американской системы. В работе [“The Specie Resumption Fight: Henry Carey’s Battle to Save Lincoln’s Economic Revolution.”](#) *EIR*, опубликованной 6 декабря 2002, Роберт Инграхам (*Robert Ingraham*), даёт обзор этих политических споров.

¹³ Крейг Ишервуд (*Craig Isherwood*), “Universal Principles vs. Sense Certainty,” *The New Citizen*, октябрь-ноябрь 2011 г., разделы “The Oligarchical Roots of Cambridge” и “Elites for the Empire.”

начале XVI в. Камбрейской лигой — союзом большинства основных европейских держав и Папского престола.

В последующие десятилетия в венецианском олигархате развернулся спор о том, как реагировать на эти стратегические угрозы. Результатом (в 1582 г.) стала самая драматическая за всю долгую историю Венеции схватка группировок — вышеупомянутый раскол между фракциями, которые впоследствии стали известны как «новые» и «старые», т.е. между новыми и старыми венецианскими домами. «Новые» отправились колонизировать Амстердам и Лондон — протестантские морские державы; в сущности, они сначала эти державы построили и основали их соответствующие центральные банки и Ост-Индские компании. «Новые» были, так сказать, «волной будущего», но и «старые» не исчезли. Они продолжали существовать, особенно в Габсбургской империи, и держали на крючке в том числе Ватикан через т.н. «чёрное дворянство» Италии и Австро-Венгерской империи. Несколько веков основным финансистом Габсбургской империи было семейство Ротшильдов, переехавших в Британию только после Венского конгресса 1814-1815 гг., который курировал греко-венецианский дворянин Иоанн Каподистриа. Венский конгресс представлял собой сделку между поднимающейся морской державой — Британской империей («новые») — и дряхлеющей сухопутной Австро-Венгерской империей («старые»).

В 1871 г. австриец Карл Менгер написал книгу «Основания политической экономии» (*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*). Она была направлена против американского опыта использования выпускаемой государством валюты для финансирования промышленности, сельского хозяйства и инфраструктуры. Менгер настолько полюбился императору Габсбургов, что на три года был назначен наставником кронпринца; за это время, сопровождая кронпринца, он объездил всю Европу. В 1883 г. он написал книгу, которая стала ещё более откровенным ответом филадельфийскому гамильтоновскому кружку и Бисмарку. Это книга по экономике, но она озаглавлена «Исследование метода социальных наук и политической экономии в частности» (*Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere*). В ней Менгер прямо или косвенно нападал на Листа, Кэри, Бисмарка, фон Карддорффа и других. Значительное влияние на Менгера оказал другой австриец — Эрнст Мах, автор изречения про достоверность чувственного восприятия «Мир состоит только из наших ощущений». То есть, чисто в духе Бентама, человек — это просто ещё одно животное.

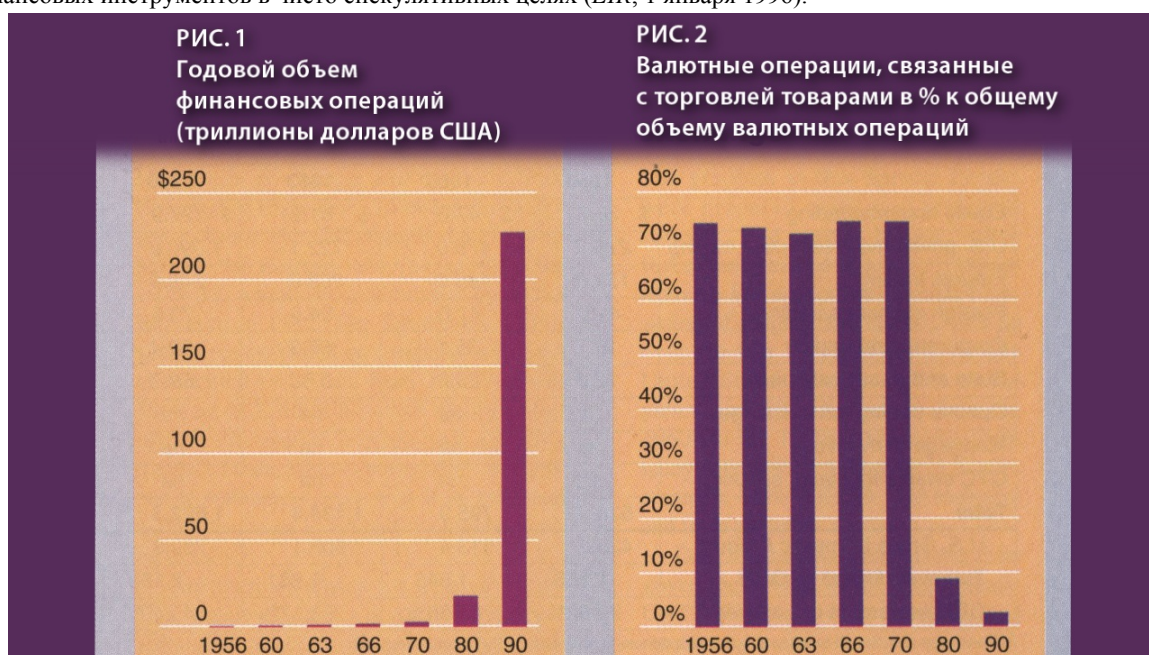
Габсбурги основали для Менгера специальную кафедру политической экономии в Венском университете. Он написал и другие книги в этом же ключе, поддерживая концепцию «полезности», поскольку она находится в духе венецианской школы «удовольствие / боль». Но так же, как Маршалл в Англии, он хотел обернуть понятие полезности в *деньги*. Эти австрийские экономисты, хотя можно было бы считать их чудаковатыми мелкими дворянчиками, ведут происхождение от Венеции и умны злым умом. В 1888 г. Менгер написал статью «Теория капитала» (*Zur Theorie des Kapitals*), в 1892 г. — статью «Деньги» (*Geld*), которой ставили в заслугу то, что она в корне изменила теорию денег. Он выдвинул «субъективную теорию стоимости», согласно которой деньги представляют собой выражение субъективных стоимостей с утилитарной точки зрения.

Книга Менгера 1883 г. заложила австрийскую школу. Кто были члены этой школы? Сам Менгер, Людвиг фон Мизес (Ludwig von Mises), позднее — Фридрих фон Хайек (Friedrich von Hayek). Влиятельными членами школы были также Йозеф Шумпетер (Joseph Schumpeter) (учился у фон Мизеса в Венском университете) с его теорией «созидательного разрушения» и Фриц Махлуп (Fritz Machlup), который стал выдающейся фигурой в США. Все они выдвинулись позже, во время реализации «плана Маршалла» после Второй мировой войны.

Ключевые фигуры австрийской экономической школы или их непосредственные ученики возглавили борьбу за демонтаж Бреттонвудской системы — процесс, высшей точкой которого стало принятое в 1971 г. решение США отказаться от фиксированных валютных курсов.¹⁴ Старшие представители австрийской школы были наставниками в том числе двух человек, определявших послевоенный экономический курс — Артура Бёрнса (Arthur Burns), председателя Федеральной резервной системы США в 1970-1978 гг., и первого лица американского истеблишмента Джорджа Шульца, который, будучи директором Административно-бюджетного управления и министром финансов в администрации Никсона в начале 1970-х гг., сыграл ключевую роль в принятии решения о прекращении действия Бреттонвудской системы.

После Менгера двумя основными представителями австрийской школы были Ойген (Евгений) фон Бём-Баверк (Eugen von Böhm-Bawerk, 1851-1914) и, как было отмечено выше, Людвиг фон Мизес (1881-1973). Ойген фон Бём-Баверк, занимавший пост министра финансов Австрии в 1890-х гг., был знаменит своей ненавистью к инфраструктуре. Он написал 1200-страничный многотомный труд «Капитал и процент» (Kapital und Kapitalzins); основной темой в нём опять были деньги,

¹⁴ Последствия решений 1971 г. иллюстрируют две диаграммы. Если до 1971 г. более 70% всех валютных операций (обмена одной валюты на другую) были связаны с перемещениями материальных товаров, то после 1971 г. во всех странах мира стал преобладать обмен валюты и финансовых инструментов в чисто спекулятивных целях (*EIR*, 1 января 1996).

деньги и ещё раз деньги. Его ученик фон Мизес 20 лет, с 1913 по 1934 гг., преподавал в Венском университете. В 1920-х гг. фон Мизес основал австрийский Институт исследования бизнес-циклов. Именно из этой венецианско-австрийской школы, а не из Британии, пришло понятие бизнес-циклов как периодического процесса с длинными волнами. В разных формулировках аргумент её представителей таков: предоставление кредита, когда кредит предоставляется в избытке, приводит к определённом моменту в экономике, когда инвестируется слишком большой объём капитала, а если кредит предоставляется и дальше, то это становится причиной бизнес-циклов и кризисов.

С самого начала аргумент венцев был направлен против кредитной экспансии. По их словам, она становится причиной избыточного инвестирования, которое, в свою очередь, вызывает замедление темпов развития экономики и, как следствие, бизнес-циклы. Венцы заявляли: после «оценки», показывающей, что весь инвестиционный потенциал существующего капитала уже достигнут, нужно повысить кредитные ставки и сдержать кредитную экспансию, иначе в бизнес-цикле наступит период спада. Эта идея сродни идее Маркса о «перепроизводстве».

В 1945-1969 гг. фон Мизес преподавал в Нью-Йоркском университете. В 1927 г. он написал книгу «Либерализм», в которой заявил: фашизм спас цивилизацию и заслужил за это вечное уважение, но это могло быть лишь временным решением. Причина состоит в том, что фашизм использует государство, а национализм приводит к развитию промышленности (даже если только ради наращивания военной мощи) в то время как у этих представителей финансовых кругов было типично венецианское представление о возврате к Средневековью. В конце концов, даже национальный фашизм приводит к развитию промышленности! (Развитие структуры промышленности послевоенной Италии обеспечили главным образом фашисты в 1920-1930-х гг.).

Но если поскрести экономистов австрийской школы, то большинство из них говорят, как и фон Хайек, что Средневековье с его небольшими артелями крестьянского типа является идеальным типом общества. Это те самые «старые», упрямое «чёрное дворянство», фашисты из центрально-европейских владений Габсбургов. Членство в Панъевропейском союзе графа Рихарда Куденхове-Калерги (Richard Coudenhove-Kalergi) в середине XX в. совмещалось с членством в организованном Венской школой Обществе «Мон Пелерин». Макс фон Турн (Max von Thurn), секретарь Общества с момента его основания в 1947 г., заявил, что происходит из старой североитальянской семьи, связанной с Венецией — Турн-и-Таксис (нем. Thurn und Taxis, итал. Tognè e Tasso), которая несколько столетий назад переселилась в Баварию и стала исполнять функции почтмейстера и разведчика для Австро-Венгерской империи (как ещё раньше, с 1290 г., делали их предки для венецианцев).¹⁵

---

¹⁵ Отражая сатанистскую идеологию «свободного рынка», Общество «Мон Пелерин» издавна призывает к легализации наркотиков, проституции и других видов криминального поведения. В материале «Подпольная экономика» (The Underground Economy) для собрания Общества, проходившего 6-12 сентября 1980 г. в Стэнфорде (штат Калифорния), Макс фон Турн пропагандировал эту деятельность как превосходный фактор развития экономики. Этот принцип был официально принят как одно из требований к странам-членам ЕС и вступил в силу в сентябре 2014 г.: страны-члены ЕС обязаны включать поступления от продажи наркотиков (независимо от того, разрешены ли наркотики законом в данной стране) в ВВП. В постановлении о Европейской системе национальных счетов, которое было принято в 2010 г. и вступило в силу 2014 г., говорится:

У фон Мизеса было несколько прямых учеников. Одним из них был Фридрих фон Хайек, основавший Общество «Мон Пелерин». Другие ученики — Шумпетер, который посещал проводившийся раз в две недели закрытый семинар фон Мизеса для лучших студентов, Оскар Моргенштерн (Oskar Morgenstern), известный по его работам в соавторстве с Джоном фон Нейманом (John von Neumann),¹⁶ и Фриц Махлуп, сыгравший ключевую роль в демонтаже Бреттонвудской системы и ликвидации фиксированных валютных курсов.

Эти профессора учили некоторых американцев. Одним из самых значимых среди них был Уэсли Клэр Митчелл (Wesley Clare Mitchell), который уезжал в Вену на учёбу дважды, в 1897 г. и затем в 1912 г., когда он учился у фон Мизеса в одной группе с большевиком Николаем Бухариным, будущим лидером «правой оппозиции». Бухарин приехал изучать бизнес-циклы. Как отметил Ларуш, Бухарин был всего лишь агентом Габсбургов в партии большевиков.¹⁷

Все американцы, принимавшие участие в демонтаже Бреттонвудской системы — Волкер, Шульц, Роберт Руза (Robert Roosa), Роберт Триффин (Robert Triffin) (он был бельгийцем, но долго жил в США) — вышли из Венской школы. Уэсли Клэр Митчелл после обучения в Вене написал докторскую диссертацию о «гринбеках». Он получил степень в Чикагском университете, который стал оплотом этой группы, и опубликовал диссертацию в виде книги «История зелёных билетов» (A History of the Greenbacks). Второй его книгой стала «Золото, цены и заработная плата при системе бумажного доллара» (Gold, Prices and Wages under the Greenback Standard). В этих и других работах Митчелл выступил с нападками на «зелёные спинки».¹⁸ Его

«незаконные экономические действия считаются сделками в тех случаях, когда все их участники совершают их по обоюдному согласию». Таким образом, приобретение, продажа или обмен наркотиков или похищенного имущества являются сделками [для целей отчётности о ВВП], при этом кража такой сделкой не является».

¹⁶ Фон Нейман и Моргенштерн опубликовали свою знаменитую «Теорию игр и экономическое поведение» (Theory of Games and Economic Behavior) в 1944 г., при этом Моргенштерн написал «экономическую» часть, которую фон Нейман облёк в математические формулы. Эта работа заложила основу выдуманной после войны «математической экономики», которая по-прежнему преобладает сегодня и исключает из общей картины творческие процессы человеческого мышления, но оставляет в ней всего лишь серию одновременных линейных уравнений. Её опровергло учение Линдона Ларуша о физической экономике, основанное на принципах повышения потенциальной относительной плотности населения и непрерывного увеличения плотности потока энергии в устойчивых экономических процессах. Несостоятельность безумной теории Неймана и Моргенштерна доказана в таких работах Ларуша, как [“Information Society: A Doomed Empire of Evil,” EIR](#), 28 апреля 2000; [“Science is Not Statistics,”](#) 1997; и [“The Pagan Worship of Isaac Newton,” EIR](#), 21 ноября 2003.

¹⁷ Доктрины австрийской школы становились всё более влиятельными в «капиталистическом» мире после Второй мировой войны, но она воспитала, помимо Бухарина, последователей и среди оппозиционных экономистов в СССР. Т.н. «младореформаторы», организовавшие в России катастрофическую приватизацию и проведение политики либерализации экономики в 1990-х гг., были восторженными почитателями фон Хайека. Ранее австрийская школа заявляла, что её последователем был российский экономист и статистик Николай Кондратьев (1892-1938), теории которого она считала равными теориям Шумпетера. В сборнике 1936 г. «Проблемы экономических колебаний» (Problems of Economic Fluctuations) Институт исследования бизнес-циклов, основанный Венской школой, опубликовал впервые переведённую на английский язык работу Кондратьева о «длинных волнах» в экономике, написанную в 1924 г.

¹⁸ Яркий пример представляет собой работа Уэсли Клера Митчелла “Greenbacks and the Cost of the Civil War,” *Journal of Political Economy*, т. 5, № 2 (март 1897), с. 119. В ней Митчелл критикует «последствия выпуска неконвертируемых бумажных денег в том, что он расстраивает организацию промышленного производства в стране, поощряет дух безрассудной спекуляции, воспитывает в

крупное произведение 1913 г. называлось «Бизнес-циклы» (Business Cycles). В том же году под руководством Пола Варбурга Митчелл участвовал в подготовке законопроекта об образовании Федеральной резервной системы США.¹⁹ В 1923 г. титаны Уолл-стрит, которых возглавляли Кун Лебы, Варбург и братья Лазарь, дали Митчеллу денег на образование Национального бюро экономических исследований (National Bureau of Economic Research); оно стало фактически американским филиалом Австрийского института исследования бизнес-циклов. Сегодня НБЭИ является крупнейшим и самым авторитетным институтом экономических исследований в США.

Одним из тех, кого Уэсли Клэр Митчелл привлёк первым, и кто останется связанным с ним на десятилетия, был Артур Бёрнс. Он был руководителем департамента экономических исследований в этом форпосте Венской школы (весь НБЭИ только им и был) в 1943-1953 гг. Впоследствии он возглавил Совет экономических консультантов при президенте США. Затем, в 1970-х гг., он стал председателем ФРС непосредственно перед Волкером. Будучи председателем Совета экономических консультантов, Бёрнс утверждал: цель американской экономики заключается главным образом в производстве потребительских товаров. Этот довод был наступлением на планы Рузвельта использовать промышленную мощь США для того, чтобы запустить процесс индустриализации во всём мире и, таким образом, навсегда покончить с британским колониализмом.²⁰

людях привычки к излишествам, ослабляет нравственное поведение в бизнесе, урезает реальные зарплаты трудящихся».

¹⁹ Кроме того, Митчелл был сторонником евгеники и последователем Бентама. Он написал хвалебную рецензию на опубликованную в 1922 г. книгу лидера британской евгеники А.М. Карра Саундерса (A. M. Carr Saunders) *The Population Problem, A Study in Human Evolution (Birth Control Review*, февраль 1923, с. 48). В очерке “Bentham’s Felicific Calculus” (*Political Science Quarterly*, т. 33, № 2, июнь 1918, с. 161-183) Митчелл писал:

«Бентама отличало от других утилитаристов, сделало его лидером школы и по сей день делает его работу поучительной именно его стремление ввести точный метод в любое обсуждение полезности. Он стремился превратить законодательство, экономическую науку, этику в подлинные научные дисциплины. Его современники довольствовались разговорами о полезности в общем плане; Бентам же настаивал на измерении конкретных видов полезности или, скорее, чистых удовольствий, на которые опираются виды полезности. ... Способом Бентама стать Ньютоном нравственного мира была разработка метода “исчисления счастья” (“felicific calculus”) В его трудах несколько толкований этого исчисления, но лучше всего по-прежнему цитировать первое и самое знаменитое из них.

“Природа поставила человечество под управление двух верховных властителей — боли и удовольствия. Им одним предоставлено указывать, что нам следует делать, и определять, что мы должны делать, К их трону прикованы, с одной стороны, норма хорошего и плохого, с другой — цепь причин и следствий”».

²⁰ Ещё когда бушевала Вторая мировая война, Рузвельт не раз вступал в схватку с отъявленным британским империалистом Уинстоном Черчиллем по поводу устройства послевоенного мира. Сын и сподвижник Рузвельта Эллиот в книге «Его глазами» (*As He Saw It* [New York: Duell, Sloan and Pearce, 1946; [русское издание](#) — М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1947]), вспоминает об одной такой стычке уже во время переговоров на аргентинской военно-морской базе на Ньюфаундленде в марте 1941 г., которая касалась принципов предлагавшейся Рузвельтом послевоенной Атлантической хартии.

«Понимаете, Уинстон, — медленно сказал отец, — вот где-то по этой линии у нас с вами могут возникнуть некоторые разногласия. Я твердо убежден в том, что мы не можем добиться прочного мира, если он не повлечет за собой развития отсталых стран, отсталых народов. Но как достигнуть этого? Ясно, [52] что этого нельзя достигнуть методами восемнадцатого века. Так вот...»

Черчилль прервал: «Кто говорит о методах восемнадцатого века?» Рузвельт ответил:

План Маршалла внёс огромный вклад в демонтаж Бреттонвудской системы, который и был одним из замыслов этого плана. В 1947 г. США экспортировали в Европу товары (главным образом производственно-технического назначения и продукцию машиностроения) на сумму примерно 6,7 млн долл. В плане Маршалла, разработанном в 1948-1949 гг., содержался призыв к сокращению этого объёма до 2,3 млрд долл. к 1952-1953 гг. Результат — масштабное сокращение [экспорта], «брюквенная зима» в Германии и т.д. К чему это привело? Всю огромную промышленную машину, которую создал Рузвельт для изменения мира, застопорили. Конечно, она была нацелена на военное производство, но была также переориентирована на выпуск потребительских товаров с намерением ограничить действие «принципа конструирования новых станков», который является движущим фактором здоровой экономики.²¹ Это сделал Артур Бёрнс, первый ученик Уэсли Клера Митчелла в НБЭИ. А они обучили Волкера.

Сразу же после смерти Рузвельта эта группа была нацелена на перестройку мировой экономики, сдерживание США и объединение Европы под контролем Британской империи, сделав её зародышем нового мирового порядка для достижения разных целей, включая конфронтацию с Советским Союзом. Как? Именно здесь важнейшее значение имел план Маршалла. Поскольку, как было указано выше, США экспортировали товары в Европу, провозглашённой целью плана Маршалла было сокращение объёма этого экспорта, что резко противоречило представлению Рузвельта о восстановлении послевоенного мира и более поздней репутации плана как средства реконструкции.²² Послевоенное восстановление СССР было заторможено, поскольку он был почти насильственно исключён из

«Всякий ваш министр, рекомендуя политику, при которой из колониальной страны изымается огромное количество сырья без всякой компенсации для народа данной страны. Методы двадцатого века означают развитие промышленности в колониях и рост благосостояния народа путем повышения его жизненного уровня, путем его просвещения, путем его оздоровления, путем обеспечения ему компенсации за его сырьевые ресурсы».

²¹ Пол Галлахер (Paul Gallagher), [“The Machine-Tool Principle: Revive LaRouche’s Economic Recovery Act.”](#) *EIR*, 12 сентября 2008. Страна, которая принижает роль промышленного производства в своей экономике, становится неспособной обеспечить устойчивое улучшение потребления в домашних хозяйствах, равно как и уровня жизни.

Л. Ларуш. Физическая экономика. — М: Научная книга, 1997, с. 119.

«Эффективность сделанного [научного] открытия должна быть проиллюстрирована путем, часто именуемым “решающим способом” при обсуждении строгих правил конструкции экспериментов... Хорошо разработанный эксперимент служит моделью для введения новой технологии как неотъемлемой составной части конструкции нового станка и других аналогичных приспособлений. Переданное таким образом физическое воплощение открытия вместе с содержащимися в нем когнитивными принципами является источником роста физической производительности труда».

Л. Ларуш. Меморандум: «Перспективы возрождения народного хозяйства России» // Бюллетень Шиллеровского института науки и культуры. — 1995. — №5.

«Передача научно-технических достижений, которые становятся источником роста эффективности экономики на душу населения и на квадратный километр, как правило осуществляются отраслевыми подразделениями, именуемыми условно “сектор станкостроения”. Изготовленное лабораторное устройство, подготовленное конструкторами для демонстрации принципа его действия, обычно служит опытной моделью нового станка или машины. Этот новый принцип, будучи используемым в конструкциях серии станков, в свою очередь, становится средством для осуществленного повышения производительных сил труда».

²² Аллен Дуглас (Allen Douglas), [«Европейский Союз — проект Британской империи»](#) (“The British Empire’s European Union”), 2008.

состава участников учредительных конференций в рамках плана Маршалла и из списка получателей даже того относительно ограниченного объёма помощи, которую США направили Европе согласно плану. В то же время сами США были ослаблены по сравнению с тем, как они могли бы развиваться.

Бёрнс объявил, что основной целью экономики США было производство *потребительских* товаров. Именно здесь на сцене и появился Ларуш со своими первыми прогнозами в 1950-х гг.: он проанализировал огромный объём потребительских кредитов, выдававшихся на производство бытовой техники и автомобилей, тогда как США должны были бы производить товары производственно-технического назначения для Европы, СССР и остального мира, как планировал Рузвельт.

Таким образом, ограничения плана Маршалла запустили процесс разрушения стабильности и положительной роли доллара, поскольку, когда Германия и Япония встали на ноги с помощью целевых кредитов, они начали гнать в США дешёвые потребительские товары. На протяжении 1950-х гг. рос долларový дефицит. Примерно к 1960 г. объём долларов за рубежом — ибо сэр Зигмунд Варбург, происходящий из старинной венецианской семьи дель Банко, основал рынок евродолларов — был примерно таким же (или немного меньшим), чем объём долларов, обращавшихся в самих США. В 1950-х гг. деятели из Венской школы начали доказывать необходимость ввести плавающие валютные курсы, поскольку поддержание стоимости доллара становилось экономически невозможным.

Еще одним крупным экономистом, который учился у фон Мизеса и написал диссертацию о золотом стандарте, был Фриц Махлуп. В 1963 г. он стал организатором конференций в Белладжио.²³

Махлуп, Роберт Триффин и другие фигуры, связанные с планом Маршалла, начали приводить доводы в пользу отказа от привязки доллара к золоту. В «парадоксе Триффина» говорилось, что остальным странам мира нужны доллары для ликвидности, иначе их экономика не будет функционировать, но если США будут и дальше поставлять доллары, то доллар будет восприниматься как переоценённая валюта, и его придётся отвязать от золота. Триффин вместе с Махлупом организовал конференции в Белладжио.

В 1963 г. иммигрировавший из Австрии Махлуп собрал 32 представителя центральных банков основных стран и советников правительств для обсуждения вопроса о прекращении действия фиксированных валютных курсов. Даже среди представителей центральных банков многие выступали против этого изменения. Махлуп организовал серию встреч в итальянском городке Белладжио. Их участников знакомили с экономическим учением австрийской школы, в основе которого, помимо принципа «предельной полезности», лежит теория механического равновесия. Это был второй закон термодинамики, применённый к экономике. Махлуп даже заявил, что должна существовать «нейтральная» теория равновесия, а не «имеющая политическую подоплёку» теория равновесия, которая включает такие вещи, как социальное благоденствие.

---

²³ Кэрл М. Коннелл (Carol M. Connell), “Fritz Machlup and the Bellagio Group: Strategy and Organization of an Early NGO,” *PSL Quarterly Review*, т. 64, № 257 (2011), с. 143-166. Хотя эта статья написана с монетаристской точки зрения, в ней содержится общая характеристика роли Махлупа в демонтаже Бреттонвудской системы.

Одной из важнейших фигур в этом проекте, получавшем финансирование в том числе от Триффина, был Роберт Манделл. Триффин, ученик фон Мизеса и фон Хайека, был одним из руководителей ОЕЭС/ОЭСР.²⁴ Они выступали за отмену привязки доллара к золоту.²⁵ Уже к 1960 г. Манделл придумал такую жутьническую штуку, как «оптимальные валютные зоны» (в основе этого понятия не было ничего кроме математических алгоритмов) как наступление на суверенные нации-государства и их право на кредитную экспансию. Книга Альберто Джованнини (Alberto Giovannini) о валютах служит примером того, как эти круги рассматривают финансовые и валютные вопросы.²⁶ Идея оптимальных валютных зон заключается в том, что в зависимости от обстоятельств несколько менее сильных валют могут объединиться в одну ОВЗ или — как в случае с США — какая-нибудь страна может быть разделена на три или четыре части для создания отдельных ОВЗ. Эта схема целиком основана на математических формулах и откровенно направлена против наций-государств.

Сообщником Махлупа и всей этой группы был Роберт Руза, который в 1940-1950-х гг. работал в Федеральной резервной системе, затем на 26 лет стал партнёром частного банка Brown Brothers Harriman. Он был в центре кампании за введение плавающих валютных курсов. Его протеже — Пол Волкер, который в качестве заместителя министра финансов по вопросам международной денежной политики подготовил почву для ликвидации привязки доллара к золоту.

Эти люди пытались вернуться к временам, предшествовавшим тому моменту, когда Кейнс частично проиграл Гарри Декстеру Уайту и Рузвельту схватку в Бреттон-Вудсе в 1944 г. Они вознамерились изменить всю систему. Их целью было прекращение действия фиксированных валютных курсов ради плавающих валютных курсов. Они преднамеренно загубили экономику США, предложив в том числе идею образования мирового центрального банка и мирового центрального правительства. Эта цель соответствовала обсуждениям, которые проводились в британском клубе «Круглый стол» с момента его образования в конце XIX в. и преобладала в Версальском договоре 1919 г. и в деятельности Лиги Наций, в которой ведущие британские

---

²⁴ Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) была основана в 1948 г. как европейский координирующий орган для плана Маршалла. Её сотрудниками были представители англо-американских банковских кругов, а сама ОЕЭС стала важной организацией, отстаивавшей идею европейской экономической интеграции — будущего конца суверенитета в Европейском Союзе. В 1961 г. ОЕЭС была реорганизована и стала называться Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

²⁵ «Привязку» доллара США как основной резервной валюты к золоту в соответствии с Бреттонвудскими соглашениями не следует путать с традиционным золотым стандартом Британской империи, от которого президент США Рузвельт отказался в 1933 г. Золотой стандарт по своей сути враждебен созданию кредита суверенными государствами для развития реальной экономики. Золоторезервный стандарт — такой, как стандарт Бреттонвудской системы фиксированных валютных курсов (1944–1971 гг.), в которой золотовалютные резервы используются для урегулирования платёжных дисбалансов и поддержания стабильности, является эффективным, если участвующие в такой системе государства сохраняют готовность проводить политику производства ценных материальных активов — полезных товаров. Золоторезервная система противоположна направленному против развития британскому золотому стандарту, о чём пишет Линдон Ларуш в работе «Вы на самом деле хотели бы знать всё об экономике?» (So, You Wish to Learn All about Economics?) (М: Шиллеровский институт — Украинский Университет в Москве, 1992. Глава 7, «За пределами монетарной теории»).

²⁶ Альберто Джованнини (Alberto Giovannini), *The Debate On Money In Europe* (Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995).

стратеги (такие, как Г. Уэллс и Бертран Рассел) отстаивали необходимость «мирового правительства».

При изучении хитросплетений того, каким образом проходил отказ от Бреттонвудской системы, возникает вопрос: кто дал Фрицу Махлупу, казалось бы, ничтожному венскому профессору, право основать Группу Белладжио? Кто дал такие чрезвычайные полномочия фон Хайеку? Их власть происходит, в ходе многовекового процесса, из Венеции через два её крыла: «старых» Австро-Венгерской империи и «новых» Британской империи.

Не следует недооценивать могущества «старых» даже с точки зрения только денег. Посмотрите на экономику Европы в целом в сравнении с экономикой Британии с её 60-миллионным населением. Общее население стран ЕС составляет более 500 млн человек, без учета Соединённого королевства — более 440 млн человек. Экономика ЕС — крупнейшая в мире, она больше народного хозяйства США или России. Подумайте о том, что накопила европейская олигархия с 1000-го г. н.э. по сравнению даже с тем, что накопили британцы с 1763 г. или с 1812-1815 гг. Это даёт некоторое представление о том, каким образом Зигмунд Варбург, на первый взгляд скромный еврей из континентальной Европы, смог прийти в лондонский Сити вскоре после Второй мировой войны и одолеть его аристократических титанов в знаменитом поглощении British Aluminium. Как было отмечено в его некрологе в *Financial Times*,²⁷ З. Варбург / дель Банко был мастером образования консорциумов частных *fondi*,²⁸ которые в совокупности обладали огромной властью. Почему в 1972 г. была образована «Интер-Альфа Групп» (Inter-Alpha Group) Ротшильдов?²⁹ Её целью было продолжение внедрённой Зигмундом Варбургом практики использования евровалюты, евродоллара, что по сути представляло собой возврат к старой венецианской денежной системе плавающих валютных курсов! Игру на золоте против серебра и наоборот. В данном случае деньги бумажные, но практика та же. И эти люди осознают, что преемственность здесь прямая! С 1000 по 1700 гг. Венеция сама по себе была центром мировой торговли слитками. Потом венецианцы передали её Банку Амстердама, а затем, после Венского конгресса, — Банку Англии. А Ротшильды, которые, будучи финансистами Священной Римской империи (Габсбургов), в период наполеоновских войн переехали в Англию, управляли мировым золотым стандартом. Каждое утро цена на золото устанавливалась в их конторах. Это была всё та же венецианская система. Никакой кредитной экспансии, поскольку всё было основано на золоте.

Эта история и роль в ней таких фигур, как Манделл, имеет большое значение в связи с Клубом долгосрочных инвесторов, поскольку начало Клубу положил единый процесс Европейской Комиссии, Европейского Союза, ОЭСР. Эти институты породил план Маршалла; а смысл плана Маршалла был в том, чтобы подорвать США и поставить Европу под контроль картелей, предложив при этом убедительную логистическую основу для конфронтации с СССР, и подорвать советскую экономику (которую исключили из плана Маршалла). Таким образом, Клуб долгосрочных инвесторов — не

²⁷ “A post-war giant in the City,” *Financial Times*, 20 октября 1982.

²⁸ В работе “[On the Subject of God.](#)” (О Боге) *Fidelio*, весна 1993, Линдон Ларуш рассматривает принцип имеющих многовековую историю венецианских олигархических *fondi* (фондов).

²⁹ Джон Хёфле (John Hoefle), «[Интер-Альфа Групп: Разрушение государств во имя имперского геноцида](#)» (“The Inter-Alpha Group. Nation-Killers for Imperial Genocide”), *EIR*, 17 сентября 2010.

узконаправленная структура. Он символизирует одну из основных (если не основную) перспективу, уготованную венецианцами и связанной с ними континентальной олигархией для эпохи после конца Бреттонвудской системы. Эти круги не просто думали: «Мы собираемся покончить с Бреттонвудской системой, а потом организовать масштабное всемирное казино (Casino Mondiale) и самый огромный “пузырь” в истории Вселенной, и тогда всё лопнет». У них была другая схема.

Деятели, которые организывают «новый Бреттон-Вудс», будь то в Модене в 2008 г.³⁰ или после прекращения существования старой Бреттонвудской системы в 1971 г. — такие, как Роберт Манделл, — и которые активно пропагандируют свои идеи в России (изображая себя противниками США и врагами ФРС) — это всё те же, кто демонтировал настоящую Бреттонвудскую систему. У Манделла есть его Комитет за обновление Бреттон-Вудса (Reinventing Bretton Woods Committee): он и ведёт эту кампанию последние несколько десятилетий. Манделл был главным организатором в Группе Белладжио, выступавшим за отмену фиксированных валютных курсов. Сразу же после достижения этой цели Манделл в течение трех недель, в сентябре 1971 г., созвал Сиенскую группу; её опорой является связанный с венецианцами старинный банк Monte dei Paschi di Siena. В Сиенскую группу входил глава итальянского центрального банка Ринальдо Оссола (Rinaldo Ossola) (который в своё время также возглавлял Итало-советскую торговую палату); именно он придумал т.н. «специальные права заимствования».

С британской стороны у Манделла для этого были связи, поскольку он учился у сэра Лайонела Роббинса в Лондонской школе экономики. В 1931 г. Роббинс привёл фон Хайека в ЛШЭ, которая стала учебной базой для австрийской школы, в то время как Кембридж, через клику Маршалла-Кейнса, занял доминирующее положение в «неоклассической» экономической теории. В 1984 г. королева Великобритании сделала фон Хайека кавалером Ордена кавалеров почёта, и он со слезами на глазах назвал этот день «счастливейшим днём всей моей жизни». Вот откуда пошло выражение лорда Харриса (Lord Harris of High Cross, 1924-2006), бывшего директора лондонского Института экономических проблем (Institute for Economic Affairs) «наши люди» — российские тэтчеристы — это люди, которые взяли под свой контроль экономическую политику России после 1991 г.³¹ Это ещё один проект Венской школы, направленный против кредитной экспансии. Лайонел Роббинс был одним из основателей Общества «Мон Пелерин».

Клуб долгосрочных инвесторов функционирует как группа самозванцев в деле отстаивания развития реальной экономики. Он отличается от неолиберальной британской линии. От большинства британских экономистов не услышать разговоров о «реальной

---

³⁰ После мирового финансового кризиса 2007-2008 гг. репутация Ларуша стремительно поднялась, как и интерес к его давнему предложению о реорганизации, в духе «нового Бреттон-Вудса», доказавшей свою несостоятельность международной финансовой системы. В числе других «дельфийских» (см. прим. 1) предложений, направленных на подрыв этого влияния, была проведённая 7-8 июля 2008 г. конференция в итальянском городе Модене, которую финансировал итальянский банк Unicredit — один из столпов финансовой олигархии. Для лучшей популяризации этого плана в конференции приняли участие несколько бывших сподвижников Ларуша. «Моденская декларация» — призыв конференции к образованию порочной «новой Бреттонвудской системе» — был опубликован в газете Financial Times в августе 2008 г.

³¹ Рейчел Дуглас (Rachel Douglas), «Ставленники Лондона в Москве — яд в политику России» (“London’s ‘Our Men’ in Moscow Keep Poisoning Russian Policy”) *EIR*, 26 марта 2010.

экономике» и «долгосрочных инвестициях». Но упор, сделанный активистами Клуба на генерирование денежных потоков, а не на экономическое развитие ради повышения общего благосостояния, выдаёт монетаристскую суть дела. Это линия континентальной Европы, восходящая к венецианцам.

Перевод с английского М.В. Бурковой.